

ВЕРСТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КН. Д. П. СВЯ-
ЮПОЛК-МИРСКОГО, П. П. СУВ-
РИНСКОГО, С. Я. ЭФРОНА И ПРИ
БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ АЛЕ-
КСЕЯ РЕМИЗОВА, МАРИНЫ
ЦВЕТАЕВОЙ И ЛЬВА ШЕСТОВА

1. 2

ПАРИЖ

ВОССТАНИЕ *)

Лунная ночь застонала набатом, и волость понесла, как разъяренная лошадь.

К церкви набегал хмельной народ. На паперти Борис Ивань махал рукавами и петушиным голосом кричал:

— Граждане и братья, наша партия, партия социалистов-революционеров, призывает...

— Долой!

— Не надо никаких ваших партий, хлеба не трогте.

— Тише.

— Просим... Борис Иваныч, валяй.

— Будя, наслушались...

— Айда громить совет, — крикнул кто-то.

— Громить...

— Пошли-и-ни...

Митинг был сорван, и толпа, топоча и ревя, хлынула по ночи.

Гудел набат.

Совет разорвали на доскутки. Злоба еще только в силу входила, каждому хотелось рвать-метать, и тогда вспомнили, что в Куватовском конце стоит заготовительный отряд Прохоровской мануфактуры, бросились туда с топорами и кольями.

— Сдавайся, кармагалы.

— Выходи.

— Бросай оружие.

— Будя, попили-поели, и вам пришлось узлом к гузну.

Захваченный враслох и перепуганный решительностью натиска, рабочий отряд сдался и перед правлением кооператива, где ночью, выложил пулемет, винтовки и походную амуницию. За время

---

*) Глава из повести «Страна Родная».

ельной стоянки отряд держал себя мирно, изголодавшаяся маровщина с охотой бралась за слесарную, жестяную, лудильную всякую другую работу, а потому убивать их не стали, а легонько, по порядку, поколотив, заперли в холодный амбар.

Размахивая винтовками и воодушевляя себя стрельбой, мужиходили селом, громко разговаривая и ругаясь. Всю ночь над щадью качались саженные костры: жгли волостную библиотеку еда совета.

В Чистый Понедельник Хомутово прикрыла шайка дезертиров, матку у них ходил Митька Кольцов. Рваные, одичавшие от поинной тревоги, — всегда их кто-нибудь ловил, или они кого-нибудь ловили, чтобы убить, — с ободранными винтовками за плечами, цепко, как репы, сидели на пугливых калмыцких лошадей и горлачили *Яблочко*. Все завидовали их лошадям.

Митька собрал тысячную сходку и долго возмущал народ.

На загоревшейся лошади, верхом и без шапки прискакал белорусский прасол Фома Двурусный и стал просить у схода помощи: Белоозеркой восстанцы больше суток дрались с карательным ядом. Фома, страшно выкатывая глаза, рвал волосатую грудь, стислся на церковь, плакал и ругался отборной, сверкающей рую.

— Бьют... Жгут... Не поможете — и вам завтра то же будет... гтая икона... Наряжай людей... Дай помочи, православные.

Хомутовская и Белоозеровская волости рядом: переженились, ероднились, завязали кровь узлом. Помощь дать страшно и отка- в помощи нельзя.

Толпа галдела:

- Поможем, чем можем.
- Помоччи, как не помочь, да ведь голыми руками не сунешься.
- Черти, дуроломы!
- Старики, надо по-божески.
- Плетью обуха не перешибешь.
- Пускай молодые идут.
- Молодые...
- Беги, Липат, запрягай.

В помощь белоозерцам поскакал Митька со своими галмана- и еще набралось желающих подвод с полсотни. Васька Буха- парень ура да брось, есаул Митькин, был оставлен в Хомуто- получив от своего удалого начальника словесный приказ: «По-

страдай-ка ты, Васька, наших коммунистов, пощечки им пять маленько, а за неисполнение настоящего в боевой обстановке, будь покоен, удавлю».

Набрал Васька людей подходящих, повел их по селу.

— Где, которы тут коммунисты?

— Вон крайня изба Степки Ежика.

— Забегай с огорода, гляди, чтоб не утек, стерва.

— Врет, от своих пяток никуда не убежит.

Налетели, кувыркнули избу, ломали, колотили, рвали, сам Ежика вывели на улицу и убили тяжелым боем. Ликстану Дудав в распоротое брюхо набили ячменю; Поливана, захлестнув за плечи вожжами макали в прорубь, макали пока он не испустил дух; Гегорью Бондарю накололи на голову железный обруч, у него вылились глаза. Всех их выбросили на навозные кучи. Акимку Сокина нашли в погребе, в капустной кадлушке; рубил его артиллерийским тесаком сам Васька Бухаров, ровно по грязи прутром шпал, рубил, приговаривал: «Вот вам каклеты, а вот антрекот». Вырыли Акимку в неглубокую яму, он ночью отдышался и уплыл в реку. Прослыша про такую чепуху, прибежал к нему Васька и сказал: «Ах ты, вонючка», — тем же тесаком отпилил Акимке голову напроць и зарыл его в глубокую яму.

Танек-Пронек засел в бане с карабином и отстреливался целый день; вечером баню подожгли, но молодого кузнеца там уже не было, спустя неделю он объявился в дремучих Урайкинских лесах с партизанским отрядом. Все ругали его и восхищались им.

— Ну и пес, ну и собака...

Под Белоозерской советский отряд был перебит, хомутами вернулись с победой, таща за собой захваченных лошадей, пулеметы и своих раненых. Село встречало их с иконами, свечами и криками радости.

— Выспали?

— Выспали, сват, за милу душу.

— Попала собаке блоха на зуб.

— Почихают...

— Сила наша, мужик, он... его только растрави, мы тоже зубы заглядывать не будем.

Пленных били всю дорогу, а в селе, окруженные воющей толпой, они ползали по кочкам, всем целовали ноги, клялись-божались, что их мобилизовали насильно, протвь крестьянского мира...

а не пойдут, и выражали готовность бить комиссаров. Толпа била их долго и жестоко, четверо кончились, остальных заперли в амбар, и жалостливые бабы притащили им яиц и хлеба.

На селе много говорили о геройстве и удалстве Митьки, который первым бросился в атаку и зарубил двух пулеметчиков.

Кругом, через леса и степи, по всей хрестьянской земле, деревня звивалась на дыбы.

...Хле-е-е-эб,
разверстка-а-аа,
терпежу нашего нет.

Кругом, через леса и степи, бурно митинговали избы и выносили приговоры:

...Хлеб придержи-а-а-ать,
разверстка неправильна-а-аа
придержи-а-аать...

Хороводом кружил кровавый набат.

Из села в село, от дыма к дыму скакали ходоки. Церковные шапки ломались от народа. Бородатые ходоки стаскивали шапки на все четыре стороны.

На корню качались и трещали голоса.

В татарах появился седобородый праведник Ага Камиль Каюмов: неустанно разезжая по деревням и улусам, он славил Алла и его единственного пророка Магомета и призывал мусульман на борьбу с урусами. Праведника сопровождали правоверные дники, коренные жители и кочевники, жаждавшие послужить ему и пограбить. В дороге к ним приставали все новые и новые; качиваясь в самодельных седлах, они в яростном восторге распевали священные песни.

Дорога правоверных была пряма, как истины корана:

«Русский церыква — канчам».

«Шапка со звездам носишь — канчам».

«Кожаным шопам ходишь — канчам».

«В мучейкам *) служишь — канчам».

В деревне Зябборовке русскую учительницу разорвали лошади. В Кобельмах поймали двух красноармейцев, русского спекулянта и инструктора лесных заготовок, перевязали веревками, вынули из верблюжьей шерсти, разложили на улице, скакали по ним

*) В ячейке.

на тройках и, изрубив, бросили своим, вечно голодным собакам. В Джафаровской волости сожгли Сорокинские хутора, перебили старых и малых и угнали скот. От их басурманской лютости не был проходу ни пешему, ни конному.

Митька, к тому времени на с'езде пятнадцати мятежных волостей, выбранный главнокомандующим, вызвал есаула Ваську Бухарова и приказал ему:

— Даю тебе, Васька, Ново-Кандалинский крестьянский полк. Поезжай, пугни татарву, спокою от них, от чертей гололобых, не ту... Вои опять привезли Тамашевского мужика с перерезанным от уха до уха горлом.. Прижми ты им хвост, а за неисполнение настоящего в боевой обстановке, будь покоен, хлопну.

— Я их, тарарам иху мать, достигну, — сказал молодой есаул, играя желваками, — я им докажу, до второго пришествия повить будут.

— Иди, скорей ворочайся.

— Иду.

Ушел, уехал, ускакал Васька.

Митька сидел в штабе, за столом, застеленным картами, торопливо, обливаясь, хлебал мясные щи: солил круто. Начальник штаба, Борис Иваныч, оказавшийся кадровым офицером, вытаскивал на трехверетке флажки, кружки, крестики и докладывал ему главному о новостях.

—...сожжен Чагринский райпродком, под Марьевкой отбит гурт скота в шестьсот голов, восстали и прислали ходоков волости Фундуклеевская, Дурасовская, Старо-Фоминская, Преображенская и Мещастовская; вчера на рассвете в районе Кунявино-Васильевка уничтожен продотряд Сафронова; разослан срочный приказ, чтобы каждая волость выслала по два ходока на колчаковский фронт. . .

— Стой, — закричал Митька, вытирая рот и откладывая ложку, — какой приказ?

— Вы, Дмитрий Демьянович, сами вчера подписать изволили. Приказ номер пятый.

— Верно, — подтвердил сидевший на пороге с охотничьим ружьем караульный Гаврила Дюков, — был такой разговор в народе: послать делегатов на фронт.

— Ничего не помню, был я вчера сильно клякнувши, — канул Митька нечесанной башкой, — нам Колчак тоже не отец родной.

— Вы, видимо, не понимаете, Дмитрий Демьянович...

— Я все понимаю.

— Ну, вот, ходоков мы посылаем не к Колчаку, а на колчаковский фронт, дабы красные полки, как истинные сыны своего народа, помогли нам сейчас, а потом... потом мы и с Колчаком воевать будем, чего на него, на шкуру, глядеть.

— Ну, ладно, чорт с ними. Давай, разворачивай планы театральных военных действий... Будем мы на город наступать, аль нет? Собака ты мне, начальник штаба, людей, аль нет?

— Вот планы, — нагнулся Борис Иванович над картой, — планы нехитрые, осмелюсь вам доложить . .

По волостям была объявлена мобилизация от восемнадцати до пятидесяти годов. Приказ вычитывался в церквях, на площадях базарах. Был пущен слух, что ни клочка земли не будет вырезано тем, кто не пойдет воевать. Мобилизация за одну неделю дала свыше пятидесяти тысяч.

Кузницы работали без остановки, мобилизованные кузнецы ковали копыя, дроты, крючья и багры, которыми и вооружалось частное воинство. Крючья и багры предназначались специально для раскидывания комиссаров с автомобилями. Из кладовок были извлечены дробовики и ружья, непригодность которых была очевидна. Улугур Степан Гурьянов подарил еще его дедом выконанную из стали пушку, на которой был выбит «1742 годъ».

Над уездом, из края в край, волной ходил народ, по дорогам отались разезды, скрипели обозы с фуражем, над деревнями стояла вой и плач, и от деревни к деревне скакали сотни подвод.

— Геей, чьи будете?

— Дальни.

— А все-таки?

— Глебовски.

— Ну как у вас?

— Да ничего.

— Крушите коммуны?

— Крушим.

— Далеко путь держите?

— В Хомутово.

— И мы в Хомутово.

— Та-ак.

В Хомутове гуляли дезертиры. Все село ходуном ходило от плясок, реву и свирепого свисту:

На заре каркнет ворона,
Коммунист, взводи куроk.
В час последний похорона
Расстреляют под шумок.

Ой, доля
Неволя,
Глухая тюрьма...
Должна,
Осина,
Могила темна...

Митька, дурной и бледный от множества бессонных ночей, подогревал сердце пьянкой, плясал вместе со всеми и отчаянно орал, размахивая тяжелой гусарской шашкой:

— Все пождем, покрошем... С нами Бог... Братва, Васька, я — командир крестьянского народа...

— Пей, гуляй, чтобы люди завидовали...

— Эх, городок, посчитаем мы тебе ребра, дай срок...

— Где мой оркестр, давай оркестр...

— Эээ...

— Крой!

Грянул оркестр, пьяненькую избенку распирало от смеху.

Пришли старики, хмурые и сердитые, вызвали Митьку в сенки и начали его урезонивать:

— Страм... Эдак народ мучится, эдака кругом страсть, а вы гуляете... Не дело, паренек, затеял, выбрали тебя не за тем... Подержись, Митька, время серьезно... Восстанцев наехало тыщ двадцать, ноге ступить негде от народу, все ждут твоего слова, а ты, сын кин, в пьянство ударился...

— Простите, старики, Христа ради... Счас все сделаю... Я — командир крестьянского народа...

Забегал Митька в избу:

— Где начальник штаба? Где ад'ютант?.. Эй, брашка, выходи седлай коней... Слушай мой секретный приказ — идем в наступление на город... Где моя шапка?

— Ура-а-а...

— Дашь Клюквин!

— Крой, ребята!

Шумно задвигали столами, скамейками, разыскивая шапки, пояса, подсумки.

Чтой-то солнышко не светит,
Над головушкой туман,
Злая пуля в сердце метит,
Близок, близок трибунал...
Ой, доля
Неволя,
Глухая тюрьма...
Долина,
Осина,
Могилы темна...

Улица была набита подводами, ломились саженные костры, ржали лошади. Мужичьи командиры, громко командуя, разбирали своих людей.

Артем Веселый.